

Юлия Латынина

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ

Юлия Латынина

ОХОТА
НА ИЗЮБРЯ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л27

Латынина, Юлия.

Л27 Охота на изюбря / Юлия Латынина. — Москва : Эксмо, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-04-101401-8

«Это какая-то невиданная смесь экономического детектива и историко-приключенческого романа в духе Дюма-отца. Я рискнул бы предсказать этому жанру большое будущее, если бы знал, кто, кроме Юлии Латыниной, способен в нем работать».

Александр Привалов

Знаменитый криминальный роман известного журналиста и публициста Юлии Латыниной.

Сейчас он читается как роман-реквием по России, которую мы потеряли. России «лихих 90-х», времен наших Вандербильдов и Рокфеллеров, когда олигархи были олигархами, а не испуганными чиновниками с потерянными лицами. Времен, когда олигархами не назначались — ими становились. Времен, когда менты были дешевы, деньги — дороги, а российский Левиафан распался на мелкие части, готовый отдаться в аренду по сходной цене.

Обо всем этом — роман «Охота на изюбря». В нем мастерски соединены хитроумные финансовые комбинации, ошеломляюще достоверные картины изнанки деловой и политической жизни России и головокружительные приключения, достойные героев гангстерских боевиков.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101401-8

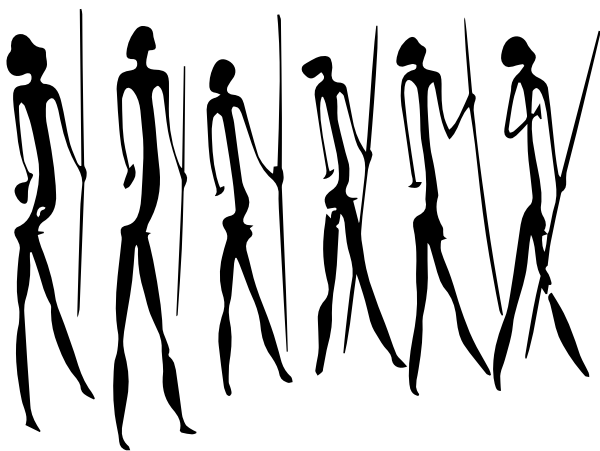
© Латынина Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОПАВШИЙ ДИРЕКТОР

*«Давай возьмем деньги и не будем
говорить о справедливости»*

Ши Най-ань, «Речные заводи»

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой скромный московский
бригадир забивает стрелку
промышленному гиганту

Денис Черяга, заместитель генерального директора Ахтарского металлургического комбината, сошел по трапу на бетонную гладь Домодедовского аэропорта в девять часов утра. Утро было замечательное — прозрачное и осеннее, как бы тронутое сединой приближающейся зимы, и замерзший лед в мелких лужицах ломался под шагами Черяги. Днем лед наверняка растает, а в самой Москве его и вовсе нет — и Денис невольно подумал о том, что в Ахтарске сегодня утром было минус пятнадцать и вечный степной ветер дул со скоростью тридцать метров в секунду.

Надобно сказать, что Денис Черяга еще не так давно жил в Москве, а работал в Генеральной прокуратуре. И нынешняя его должность имела мало общего с прокатом и оцинкованным листом, а полностью именовалась так — заместитель директора по вопросам безопасности.

У трапа Дениса дожидалась черная «Ауди», принадлежавшая московскому представительству АМК, точнее —

фирме, именованной «Вексельный центр «Металлург». Черяга, запахнувшись в дорогое темно-зеленое пальто с широким воротником, поскорее нырнул в машину, укрываясь от пронзительного аэродромного ветра.

— Куда? — спросил водитель, когда «Ауди» выехала из ворот.

— Хлебный переулок, — ответил Черяга.

Откинулся на подушки и устало закрыл глаза, прокручивая в уме предстоящий разговор.

Дело, которое привело Черягу в Москву, было, в общем-то, несостоящим, можно сказать, пустяшным. Два дня назад пропал Коля Заславский, генеральный директор одной из приближенных фирм АМК — «Ахтарск-контракт, лтд», зарегистрированной на Багамских островах.

Честно говоря, вплоть до вчерашнего утра Черяга и не знал в деталях статуса Заславского, а только знал, что Заславский — племянник первого зама губернатора области и друг Димы Неклясова. Неклясов же, в свою очередь, занимал одну из ключевых должностей огромной промышленно-феодальной империи, в целях благопристойности именованной ОАО «Ахтарский металлургический комбинат». А именно — Дима возглавлял ЗАО «АМК-инвест». Эта крошечная контора с уставным капиталом в десять миллионов рублей владела тремя четвертями акций самого комбината и принадлежала, соответственно, Вячеславу Извольскому, генеральному директору АМК.

Денис улыбнулся, вспоминая обстоятельства своего первого знакомства с самодержавным ахтарским директором.

Всю свою жизнь Денис Черяга, родившийся в маленьком угольном городке — соседнем с Ахтарском Чернореченске, — потратил на то, чтобы выбраться из богом проклятой сибирской дыры. Он окончил с отличием юрфак. Он работал, как пес. Он сделал изрядную для честного человека карьеру — к тридцати пяти годам мальчишка из захудалого городка был следователем по особо важным делам

при Генеральной прокуратуре. Москва очень долго оставалась для него тем, чем она была в пятнадцать лет — столичным волшебным городом, где исполняются любые мечты и где в магазинах продается докторская колбаса. Будучи человеком старательным, Денис прилежно читал рекомендованную университетскими преподавателями соцреалистическую макулатуру, и его всегда особо трясло от одной сцены — от сцены, когда молодой перспективный специалист покидает Москву ради целины, БАМа или Сибири. Денис точно знал, что он никогда Москву не покинет.

Шесть месяцев тому назад на третьем этаже собственного особняка, что в десяти километрах от города Ахтарска, в гостиной с мраморным камином и золотыми коллекционными подсвечниками, миллионер Извольский спросил понравившегося ему следователя: «Что ты потерял в Москве? Комнату за окружной дорогой? Кабинет с поломанным столом?»

И Денис понял, что Москвы больше нет. Страна распалась на феодальные княжества, и один из князей позвал нищего следака быть его правой рукой. В ту самую Сибирь, в которую когда-то уезжали молодые специалисты из рекомендованных преподавателями литературы романов.

Отчего Денис согласился? Ради денег? Но деньги Денис и в Москве мог получить, у него были коллеги, которые жили в загородных виллах и отпуск проводили в Южной Америке, и никто никогда не интересовался, на какие шиши беззарплатный следователь подкатывает к зданию Генпрокуратуры на собственном «мерсе». Ради того, что у Извольского Денис мог делать то, что нельзя было сделать в Москве — защищать закон и порядок? Но то, что делал Денис, было чем угодно — только не защитой закона.

Может быть, просто переменялись координаты мира, и не было в России нигде безличного закона, а была только личная преданность вассала сеньору, и нельзя было служить несуществующему закону, а можно было толь-

ко выбрать, кому ты будешь служить: Салтычихе или Демидовым? А Вячеслав Извольский, самодержавный хозяин тысячи гектаров вознесшихся к небу домен и растянувшихся на два километра прокатных цехов, пары карманных банков и десятка офшорков, а заодно и двухсоттысячного сибирского городка, походил, несмотря на ни что, именно на Демидова.

Разумеется, у Извольского были свои барские привычки. Чего только стоило его пристрастие к самоличному вождению автомобиля — если учесть, что директор не всегда садился за руль в трезвом виде, а о существовании такой детали, как тормоз, вспоминал редко и неохотно. Испуганные гаишники, отчаявшись сделать реприманд директору, в конце концов решили проблему безопасности дорожного движения следующим образом: по радиации передавали сведения о передвижении директорской тачки, а гаишники блокировали все остальное движение. Мол, если врежется — так хоть людей не подавит.

Службе же безопасности, осматривавшей каждый день любимый «Брабус» Извольского, оставалось лишь молиться, чтобы в случае чего воздушные подушки сработали как надо.

Но то ли потому, что Извольский еще никого не задавил, то ли вследствие непонятной симпатии российского народа к Иванам Грозным, — директор по прозвищу Сляб* пользовался у населения города Ахтарска почти единодушным уважением. Благо и рабочим, если с квалификацией, набегало до тысячи долларов в месяц, и пенсионерам доплачивали триста рублей, и маленький металлургический Ахтарск был островком благополучия в нищей сибирской области, где угольщики не видели зарплату месяцами, а колхозники — годами.

* С л я б — прямоугольный стальной брус, используемый в черной металлургии дальнейшего передела и изготовления из него проката.

Конечно, Извольский был не сахар. Черяга навсегда запомнил историю, которая случилась с ним месяца через полтора после начала работы. Все началось со втыка за несанкционированное директором распоряжение (Черяга без ведома Сляба накопал компромат на заместителя губернатора) и очень быстро переросло в грандиозную выволочку с матом, топанием ногами и стучанием кулаком по столу. Черяга сначала пытался оправдываться, а потом взбесился и начал орать не хуже директора. В какой-то момент в руках разъяренного Извольского оказался пистолет, и он попытался этим пистолетом ударить Черягу в висок.

Кончилось тем, что Денис, растрепанный и взбешенный, выскочил из кабинета директора и ссыпался вниз по лестнице. Спешно накатав заявление об увольнении по собственному желанию, Денис бросил листок секретарше, поймал такси и уехал в аэропорт. Ему повезло — самолет в Москву улетал через полчаса. Билетов в кассе уже не было, но Дениса узнали и выдали ему билет из директорской брони.

Денис сидел в самолете, глядя на летное поле, по которому ветер перекачивал степные колючки, и давился слезами. Больше всего его бесила абсолютная немотивированность агрессии Извольского: его пропесочили и только что через мясорубку не пропустили ну совершенно ни за что.

Было ужасно обидно. В голове словно захлопнулась дверца, и последние полтора месяца жизни виделись уже как какой-то несбыточный, случайный карнавал. В карнавале участвовали черная «Ауди» с подобострастным шофером, секретарша и собственный роскошный, дубом отделанный кабинет, шикарная трехкомнатная квартира в Ахтарске и быстро растущий особняк в элитной Сосновке, в полукилометре от дачи самого Извольского. Особняк уже покрыли темно-красной черепицей, и еще вчера утром Черяга обсуждал с прорабом стройки, какого цвета должен быть кафель в ванной и что лучше вешать на окна в шестидесятиметровой гостиной — жалюзи или портьеры...

Как ни странно, жалости по всей этой сказке, а для вчера еще нищего следователя и кабинет, и секретарша, и усадьба были сказкой — не было. Жалко было другое: Черяга уже ощутил себя человеком, который делает большое и нужное дело. Он был полководцем маленькой, но эффективной армии, защищавшей ахтарское княжество от набегов враждебных половцев, губернаторов и федеральных властей. И вдруг оказалось, что полководец в глазах хана Извольского стоит не больше ломаного гроша. И когда еще в самом начале разговора Черяга сказал, что может и уволиться, Извольский улыбнулся презрительно. «Подумаешь, — сказал он, — один попугай сдох — другого купим».

И еще было очень жалко мать. Матери было шестьдесят пять лет, и шестьдесят четыре с половиной из них она прожила в соседнем Чернореченске — маленьком угольном городке, где родился и вырос и откуда уехал в Москву Денис. Дочка ссыльного поселенца, все, что она видела с девяти лет, было — работа с девяти лет на военном заводе, замужество, вечно пьяный муж-шахтер, оставивший ее вдовой в тридцать семь лет, ранние хвори и шесть месяцев назад нелепая смерть младшего сына, выбившегося в бригады местной группировки, чей глава был вскоре убит не без участия Дениса Черяги. Теперь мать лечилась в Израиле, выбранном за изобилие русскоговорящих врачей, и должна была вернуться в Россию через четыре дня. Было очень горько думать, что матери придется возвращаться не в новый светлый особняк, которого она никогда не видела, а в старенькую халупу на окраине Чернореченска, без канализации и с матерящимися соседями.

Все сроки вылета прошли, а самолет все не выруливал и не выруливал к полосе. Пассажиры, наученные горьким опытом, перешептывались — вчерашний рейс этого самолета был отменен из-за технической неисправности, оттого и набилось столько людей. Наконец через сорок минут ожидания на аэродроме появился хорошо знакомый Де-

нису темно-зеленый внедорожник в сопровождении «Ленд-крузера».

На взлетную полосу снова выкатился трап, из внедорожника высадился Извольский и пошел к самолету. Денис опустил голову и забился покрепче в угол. Спустя минуту тяжелая рука гендиректора легла Черяге на плечо.

— Пошумели и хватит, — сказал Извольский, — с вещами на выход.

— Никуда я не пойду, — огрызнулся Черяга, — а заявление мое у тебя на столе.

— Подтереться ты можешь своим заявлением, — добродушно сказал Сляб, — пошли, разговор есть.

Все пассажиры первого салона, прилежно вытаращив глаза, слушали диалог ахтарского хана с его подчиненным. Денис понял, что выглядит глупо, спустился из самолета и сел в машину Извольского.

Только на следующий день до Дениса дошло, что его элементарно проверяли. Извольскому совершенно не нужен был на его месте человек, который в ответ на беспричинное хамство утрется, напудрит оставленные на душе синяки и с усердием примется хаму служить — за квартиру, шофера и секретаршу.

Рванувшись в Москву, Денис прошел последний тест. Буквально на следующий же день Извольский наконец начал планомерно и методично натаскивать его, посвящая в те правила поведения в финансовом лабиринте, которые были ведомы только ближайшим соратникам. Впрочем, до конца всех ходов лабиринта не знал никто, кроме Извольского. Подобно начальнику тайной службы, который один помнит все имена нигде не обозначенных агентов, Извольский никогда и ни с кем не делился сокровенным знанием о круговороте заводских денег. Отдельные доверенные лица надзирали лишь за маленькими участками финансового потока, и Извольский тщательно культивировал их взаимное соперничество и доносы.

Вячеслав Извольский исходил из того, что любой человек, имеющий право самостоятельно распоряжаться деньгами АМК, непременно положит их себе в карман. И для того, чтобы этого не произошло, следовало лишить кого бы то ни было правом распоряжаться этими деньгами в объеме, превышающем стоимость закупленной для офиса коробки канцелярских скрепок.

Одним из первых уроков финансового ликбеза, полученных Черягой, был следующий. Директор выложил перед ним на стол лист, вычерчивающий дикую схему взаимоотношений двух карманных банков, вексельного центра «Металлург» и еще полутора десятка фирм с разнообразными суффиксами, и когда у Черяги глаза полезли на лоб, спокойно объяснил:

— Все эти фирмы делятся на два рода: заводские и чужие.

Заводские фирмы были те, которые принадлежали лично или через подставных лиц Извольскому и предназначены были для минимизации налогов и сведения с ума непосвященных. «Чужие» фирмы выполняли другую задачу — то были маленькие ручейки, орошавшие частные огороды всяческих шишек. Например, фирма «Желдорсталь» принадлежала начальнику местной железной дороги и занималась оплатой железнодорожных счетов комбината, получая за это прокат со скидкой 10%. Что же касается «Ахтарск-контракта», то эта фирмочка была одной из тех, что подкармливала непосредственно областное начальство, о чем мог догадаться каждый, знавший, что Коля Заславский — племянник первого зама губернатора Валентина Заславского. Технология подкормки была простой: губернатор выступал по телевизору с упреками в адрес налогоплательщиков, или звонил Извольскому, или иным образом давал понять, что комбинату пора дойти. Поторговавшись и договорившись о сумме, Извольский давал соответствующие распоряжения. «АМК-инвест» тут же продавал партию стали «Ах-

тарск-контракту», «Ахтарск-контракт» на деньги, вырученные от продажи стали, по заведомо завышенным ценам закупал за рубежом оборудование, разница оставалась на зарубежных счетах «Ахтарск-контракта» и пилилась между областным и заводским начальством.

Отсюда возникала еще одна проблема, связанная с пропажей Заславского: не задевая фундаментально сам комбинат, эта пропажа могла вызвать массу недоуменных вопросов у областной администрации.

Впоследствии, вспоминая этот сухой и морозный осенний день — один из последних мирных дней, за которыми потянется несколько месяцев кошмара, — Денис пытался отыскать в своих воспоминаниях мрачные предчувствия и предзнаменования — словом, все то, что человек, наделенный интуицией, должен ощущать, шагая под перекрестьем снайперской винтовки.

Но предчувствий, увы, не было. То ли Черяга был лишен интуиции — во что с трудом верилось, то ли интуиция действует только тогда, когда речь идет о той самой винтовке или гранате, аккуратно привязанной к педали газа вашего «БМВ». А когда пущенные в ход механизмы значительно деликатнее и гранату предусматривают лишь как незначительную деталь в общем плане — интуиция берет отпуск за свой счет.

* * *

С Борисом Гордоном, оперуполномоченным 81-го отделения милиции города Москвы, Черягу связывали давние приятельские отношения. Они вместе работали в штабе по раскрытию одного из совершенных на территории отделения убийств и вопреки обычной классовой вражде между следком и опером остались более или менее довольны друг другом.

— Привет капиталистам! — возгласил Гордон, когда улыбающийся Черяга ввалился в крошечный кабинет с рас-